

М. О. МЕНЬШИКОВ

Распутица в Церкви¹

Григория Распутина я немножко знаю и могу говорить о нем по личным впечатлениям. Этого «святого старца» в разгар его славы, года два тому назад, ко мне привез Г. П. Сазонов. Старец обедал у меня, и мы долго беседовали. Он показался мне, во-первых, не старцем, а сравнительно моложавым мужичком, лет за 40, корявым и некрасивым, хотя он был щеголевато одет по-мещански. Испитое, с мелкими чертами лицо, нервное и тревожное, бегающие глаза, тихий голос, не то монастырского служаки, не то начетчика-сектанта. Речь отрывистая, отдельными, иногда загадочными изречениями. Меня поразило сначала, как мог этот полудикий мужичонка из Сибири не только добраться до Петербурга, но вдруг войти в весьма высокопоставленные круги до последних вершин знати. Поговорив с Григорием Распутиным, я убедился, что он может производить впечатление. Это натур-философ со дна народного, человек почти безграмотный, но начитанный в писании, наслышанный, напетый церковностью, как пластинка граммофона, да сверх того с природным экстазом мысли. Некоторые его изречения меня удивили оригинальностью и даже глубиной. Так говорили древние оракулы или пифии в мистическом бреду: что-то вещее развертывалось из загадочных слов, что-то нелепо-мудрое. Некоторые мысли Распутина мне показались близкими к стоической и эскетической философии, а некоторые характеристики общих знаковых-иерархов и высокопоставленных сановников — показались очень тонкими и верными. В общем, в первый раз он произвел на меня скорее благоприятное впечатление. Мужичок, подумал я, себе на уме, с хитрицей, но натурально религиозный, способный заражать этой ре-

---

¹ Печатается по: Новое время. Пг., 1912. № 12874. 14 (27) янв. Воскресенье.

лигиозностью и будить от летаргического сна, в котором пребывает, что касается веры, множество православных. Не понравились мне только слишком нарядные сапоги-бутылкой, да то, что Григорий Ефимович прямо от меня ехал к очень уж знатной даме. «Я бы, — говорил он мне, — остался у тебя ночевать, да не могу, все зовут, должен ехать». Показалось странным также, что Гриша целует дам при прощанье. Очень уж, подумал я, развязный святой — из тех, что гастролируют по светским гостиным. Много хорошего о Распутине мне наговорили большие приятели его — писатели Сазонов и Гофштеттер, — последний казался почти влюбленным в него, возился с ним неделями. Но затем очень быстро со всех сторон стали приходиться крайне странные рассказы о Распутине, — будто он уличен в распутстве, будто он совращает дам из общества и молодых девушек в ночные радения, будто ходит с ними даже в баню и т.п. Пришло известие, что Распутин потерял доверие известного аскета, епископа Феофана, которым вначале и был выдвинут в Петербурге. Называли светскую даму, жену писателя, которая до сумасшествия уверовала в этого корявого мужичка и всюду следовала за ним. Уже взрослая падчерица одного знаменитого публициста тоже ушла за «старцем», и мать ее была в отчаянии. Одна высокопоставленная дама, по слухам, съездила даже в Сибирь, чтобы проверить житие Распутина, и будто бы открыла там весьма скандальные отношения его к разным женщинам. В левых газетах имя Распутина начало греметь как имя пройдохи и шарлатана, каких еще мало, что он сошел со сцены. Вдруг этим летом он опять является ко мне — и уже, по его словам, прямо из Иерусалима.

Вид у него был на этот раз уже не такой нарядный, сильно обтрепанный, но тон елейный, как у всех, кто побывал у Св. Гроба. Начал он мне рассказывать что-то длинное о «треблаженном древе», что насадил Лот после грехопадения с дочерьми, и что будто бы из этого древа и был сооружен Животворящий Крест, на котором был распят Христос.

— Откуда же вы это узнали? — спрашиваю.

— В Писании сказано.

— В Библии?

— Ну да, в Библии.

— Неправда, — говорю, — в Библии этого нет.

— Как нет?

— Да так и нет. Вот Библия, — вот все, что сказано про Лота.

Распутин покачал головой.

— Ты, миленький, верь! Ты не сомлевайся: воистину треблаженное древо, еже насади праотец Лот. Это мне монах в Иерусалиме рассказывал. Это, мол, у святых отцов написано.

— Бродяга, — говорю, — ваш монах, надул вас. Мало ли чего тамошние греки, монахи и не монахи, болтают русским мужикам-паломникам...

— Он у книжке показывал, — говорит Григорий.

— Мало ли, — говорю, — какие книжонки пишут разные беспутные люди, что торгуют этим добром, — они продают даже слезы Богородицы и тому подобное.

— Ай, нет, — заволновался Гриша, — ты, миленький, не того... Ты, миленький, нехорошо говоришь. Уж раз святые люди говорят.

Я спросил Григория Ефимовича, как он думает — был ли Страшный Суд или не был. Он ответил — не был.

— Ну, а раз не было, — говорю, — последнего суда Божия, то совершенно неизвестно и решение этого суда: кого Христос наречет святым и кого грешным. У католиков есть свои святые, у армян — свои. Разве можно признавать еретических святых угодниками Божьими?.. Как вы полагаете?

— Ты это к чему же клонишь? — с тревогой спросил Гриша.

— Да к тому, чтобы вы поменьше верили рассказам греческих монахов и разным басням, которые они приписывают святым отцам. Они врут, а вы верите...

Легенда о треблаженном древе понадобилась Григорию, чтобы доказать мне, что хотя библейский Лот и соблудил с дочерьми в опьянении, но сей грех прощен ему, ибо плоть человеческая Сына Божия была распята за нас и понесла наказание за все грехи мира. А это Григорию понадобилось, чтобы ответить на мой откровенный вопрос: «Правда ли, Григорий Ефимович, что вы насчет женщин нечисты? Что будто у вас девушки и замужние молятся на манер хлыстов и что моление кончается свальным грехом?» Он отвечал на это уклончиво: «Многие клеветуют, брешут напраслину». Может быть, он и грешен, «кто же не грешен, но тут все надо понимать иначе. Когда ты в духе, плоть умирает. Когда ты в духе, жди воли Божией и всякая твоя воля — Божья. Без нее, ведь сказано, волос с головы не падает. Когда тебя охватит в молитве радость блаженная, когда найдет на тебя Христос» и пр., пр. Боюсь передать неточно слова Григория Ефимовича, крайне несвязные, но общий смысл их мне показался тогда хлыстовским, сексуально-экстатическим. Относительно клевет и гонений на него он говорил недомолвками, что все на свете пройдет, одна правда останется, что и он теперь по-прежнему везде принят, что теперь он едет на Волгу, к Гермогену и Илиодору. Упрекал меня, что напрасно я ополчился летом на Илиодора.

Когда мы расстались, через несколько недель я узнал о проповедях Григория на Волге и о его действительно хлыстовских рдениях. Епископ

Гермоген, с которым я как-то случайно встретился у А. С. Суворина, говорил мне, что он сначала относился к Распутину с большим вниманием, видя в нем некоторый духовный опыт и религиозную работу, но затем вполне точно убедился, что это хлыст, что он действительно развращающе действует на религиозных женщин. С одной инокиней, например, он четыре часа радел и довел ее до невозможного состояния.

— Зачем ты это сделал? — спрашивал Григория еп. Гермоген.

— Я испытывал свои силы, — отвечает.

— Знаешь, Григорий, — сказал епископ, — смотрел я на тебя как на человека Божьего, а теперь смотрю как на змия-соблазителя и архиерейской властью запрещаю тебе входить в православные семьи.

На это Гриша покоробился было, но не послушал Гермогена. Затаил зло на него. Когда возник вопрос о посвящении Гришки в православные священники, епископ Гермоген решительно восстал против этого и, как говорят, именно здесь и нашел свой подводный камень. Почти безграмотный (у меня есть записка с его подписью) хлыстовский начетчик оказался в XX веке, в те дни, когда принимают в Петербурге лордов и джентльменов, ученых и писателей — большой силой. То, что было у нас в XVIII и в XIX веках, в эпоху Татариновой, повторяется, кажется и теперь. По-видимому, голос святителя Гермогена против великосветской хлыстовщины раздался как раз вовремя.

